

## СКАЖИТЕ, ДОКТОР

*Ведущий рубрики - доктор Шаевич*

### Истории от доктора

#### Слово офицера

*Моему тестю посвящается*



- Солдат, поторопись, а то нам ещё в этой тайге заночевать придётся, - подполковник Вилатов нетерпеливо докурил сигарету и направился к машине. Водитель-срочник уже битый час возился в моторе, тихо про себя матерился, потирал замёрзшие руки и с опаской поглядывал на начальника. Неяркое осеннее солнце начинало медленно садиться, сначала запутавшись в верхушках тяжёлых таёжных сосен, потом коснулось вечно покрытых снегом дальних сопков за Ургалом, медленно прячась за ними.

Хорошее и приподнятое настроение, сохранявшееся у подполковника всю дорогу из Хабаровска, начинало портиться: ещё полчаса, и солнце окончательно зайдёт, а в темноте переправу им ни за что не найти. Речка Берёзовая, хоть и мелкая «переплюйка» (метров десять в ширину, не больше), но по тонкому октябрьскому льду им на УАЗике без настила не перебраться. И чёрт его дёрнул сокращать дорогу по тайге, да ещё вечером. Но кто ж знал, что чёртов мотор подведёт в самом неподходящем месте. Дальше вверх по реке в прошлом году его часть построила настоящий железнодорожный мост с полосой для машин, но до него семьдесят километров крюку, да и возвращаться по тайге было уже поздно - в темноте сбиться с просеки и заблудиться было делом пустяковым. А ему так хотелось оказаться дома с семьёй ещё сегодня до полуночи!

И тут, словно услышав его нелёгкие мысли, мотор задёргался, заурчал и завёлся. Через четверть часа военные были уже у реки.

Три недели назад, когда Берёзовая после первых морозов встала, Вилатов лично распорядился насыпать пару КАМАЗов щебня и сделать ежегодную импровизированную переправу через реку, тем самым сократив путь до Тынды минимум на шесть часов. Обычно насыпь держалась всю зиму, чтобы в апреле её неизменно размывало бурным весенним половодьем. И тогда всем приходилось снова ездить по своим делам в районный центр в дальний объезд. Так продолжалось уже много лет. Попытки построить более-менее крепкий мост на понтонах через реку в этом месте проваливались год от году: каждой весной его тоже смывало мутными неудержимыми потоками растаявшего снега с ближних сопков. Вот строители и решили больше не заморачиваться, и делать ежегодную насыпную переправу.

А вообще, строительство БАМа на этом участке уже

подходило к завершению. Пару недель назад их стройбат получил место новой дислокации возле Ургала-2, и после Нового года должен был сниматься с уже «обжитого» места.

\*\*\*\*\*

В эти края Вилатов приехал много лет назад ещё совсем «зелёным» старлеем, решившим после окончания строительного института пойти служить в армию и отправиться на стройку века военным инженером. Он уже не помнил, было ли это сделано по зову сердца или призыву партии, а может, просто на романтику потянуло. Но тогда он приехал в эти Б-гом забытые места за тысячи километров от цивилизации, притащив с собой молодую жену с десятилетней дочерью. По приезде семье пришлось очень непросто. Сначала они жили в наспех сбитых деревянных вагончиках, которые регулярно сгорали от встроенных буржеек. Потом приходилось перебиваться в стальных строительных контейнерах, промерзавших до образования изморози на внутренних стенах. И всё это - даже без призрачного обещания постоянного благоустроенного жилья. Зато постоянные переезды с места на место. Работали они много, отдыхали редко, выбираясь в отпуск «на материк» раз в три года. Они родили здесь ещё двоих сыновей и считали этот таёжный край совсем уже родным. За двенадцать лет, прожитых и проработанных на строительстве магистрали, подполковник привык к этим местам. Привык, и даже как-то прирос душой. Ему было вообще хорошо здесь, на Дальнем Востоке. Он полубил эту неспешную природу, вековую тайгу, бесконечные небольшие сопки, величавый и первозданный Амур, несущий свои воды к океану, его маленькие, но бурные притоки, которые, как резвая и озорная ребятня, стремились к нему, прижимаясь к скалистым берегам. А со временем даже привык к отсутствию дорог, бесконечному снегу и вездесущим неистребимым комарам.

К тому же Вилатов был хронически-заядлым рыбаком, а потому исходил и хорошо изведывал все ближайшие маломальски рыбные речушки в округе. Ему нравилось уходить далеко в тайгу на пару дней - побродить и порыбачить. Но не там, где они сами уже построили множество дорог и мостов, вырубая лес. А в тех местах, где ещё не ступала нога строителя. Где всё оставалось в своей первозданной и нетронутой красоте, где вместо дорог можно было ориентироваться только по звериным тропам.

\*\*\*\*\*

Сегодня подполковник возвращался из дальней командировки в штаб округа в Хабаровске, куда был вызван для отчёта. Генерал, заместитель командующего округом по строительству, остался доволен докладом. Шутка ли, часть Вилатова закончила свой участок на полгода раньше запланированного, к тому же аккуратно к очередной годовщине Октября, что значительно

улучшало общие показатели округа. И оттого заслуживало отдельного поощрения. К юбилею, как это всегда было принято, на отличившуюся часть выделили премии. Ещё несколько лет назад, в начале строительства, все материальные блага распределялись централизованно, в штабе. Каждая кандидатура представлялась на награды отдельно, по каждому голосовали индивидуально и затем утверждали на заседании парткома округа. Зато теперь, с началом перестройки, в этом вопросе, как впрочем и во многих других, царил лёгкий бардак, и все решения по наградным спискам обсуждались и распределялись на местах.

На их часть, как особо отличившуюся, в этом году выделили две медали «За доблестный труд», один орден «За военные заслуги», пару наградных знаков и невиданную до сих пор сумму - десять тысяч рублей. Но самым главным поводом радоваться для подполковника Вилатова было то, что впервые за столько лет его работы на их подразделение решили выделить Звезду Героя. И даже не только сам факт высокого отличия был поводом для гордости Вилатова. Когда штабной генерал уже прощался, он намекнул, что в управлении готовят приказ на индивидуальное награждение Звездой на его, подполковника, имя, с одновременным представлением к очередному воинскому званию - за особые заслуги перед Родиной. Оставались только согласие и подпись начальника части, где служил Вилатов.

\*\*\*\*\*

Полковник Мельвинский руководил частью недавно, каких-то полтора года. Он был молод, чуть старше тридцати пяти, не по возрасту высок в рангах и состоял из семьи потомственных военных. Отец его служил на хорошей должности в центральном округе в Москве, носил генеральские штаны с лампасами и преподавал в академии генштаба. Поговаривали, что полковник был переведён из столицы в эти края для решающего карьерного старта с последующим поступлением в академию Генерального штаба и дальнейшим повышением в звании. В Афганистан или другие точки военных действий отправить его, разумеется, не решились. Зато для мирных «прорывов» БАМ являлся самым подходящим местом.

Мельвинский был привлекателен, образован, начитан и по-столичному интеллигентен. Но в то же время, не заносчив и вполне демократичен. Не только от его необычной фамилии, но и от него самого, от осанки, заграничной манеры поведения, независимого взгляда и непривычно-высокопарного образа речи веяло какой-то потомственной аристократичностью и наводило на воспоминания о булгаковских персонажах из «Белой гвардии». Вместо супруги, по слухам не пожелавшей

повторять судьбу жён декабристов и оставшейся в Москве, Мельвинский привёз с собой неплохую библиотеку и пару чемоданов с модными импортными вещами, возможность надевать которые ему едва ли предоставлялась.

Он не сильно вникал в работу части, откровенно отсиживал свою «ссылку», переложив все текущие дела на плечи своего зама Вилатова - единственного из офицеров, кому доверял и с которым сложились не то чтобы на равных, но более-менее дружественные отношения. Начальник старался в офицерском кругу не сближаться ни с кем; от приглашений на торжества и увеселительные мероприятия вежливо отказывался; на немногочисленных женщин из части, проявлявших к нему постоянный интерес, не разменивался и позволял себе, разве что, изредка выпить пару рюмок, но только в компании своего заместителя.

\*\*\*\*\*

Подполковник Вилатов ещё не успел толком отдохнуть после поездки, когда рано утром раздался звонок из секретариата части: ему надлежало срочно явиться к Мельвинскому. Запланированный разговор с женой о предстоящих радостных переменах и возможных перспективах приходилось откладывать на позже. Да и увидеть детей, и отвезти их в школу уже не удастся. Но служба есть служба.

- Садитесь, Николай Александрович, - сказал начальник, слегка, как показалось Вилатову, смутившись.

На столе стояла бутылка хорошего импортного коньяка, два бокала, открытая коробка конфет и нарезанный лимон. Полковник сам налил обоим и, взяв в руки свой бокал, замолчал. Пауза затягивалась.

- Давайте сначала выпьем, - сказал Мельвинский, как-то странно волнуясь, и быстро, не чокаясь, залпом опрокинул рюмку. Налил себе повторно и опять замолчал.

- Подполковник, а давай на «ты», - предложил начальник с лёгким возбуждением. Он снова сам быстро выпил, что было уж совсем неожиданно.

Бокалы были вновь наполнены, а Мельвинский всё никак не решался начать разговор.

- Коля, ты знаешь, как я к тебе отношусь. Хотя нет, постой, не в этом дело. Дело в том, что... в общем, приказ на моё зачисление в академию Генштаба в Москве уже подписан, и я через два месяца отбываю в столицу. Пока очередного звания не дают, но я думаю: к концу учёбы я уже, как минимум, генерал-майор.

Мельвинский снова сам выпил, повторно налил и продолжил, заметно захмелев, чего раньше за ним не водилось:

- Пойми, подполковник, звание ты скорее всего получишь, а вот часть тебе всё равно не дадут. Пришлют какого-нибудь блатного со стороны, а с ним ещё неизвестно, как всё сложится.

Вилатов допил наконец-то свой коньяк и выжидательно

посмотрел на начальника, предчувствуя особую серьёзность предстоящего разговора и пытаюсь унять появившееся нехорошее предчувствие.

- Я тебе, Николай, скажу прямо, чего хочу... по-дружески, без хождения вокруг да около: в общем, я уже получил рекомендательное предписание из штаба округа на твоё возможное представление к Звезде Героя и очередному званию. Но решать всё равно мне. И я знаю, что никто больше тебя не заслужил этой награды. Ты - хороший офицер, отличный строитель и просто настоящий надёжный мужик. И мы с тобой неплохо отслужили вместе эти полтора года.

Теперь они уже выпили оба, но больше не наливали.  
- Но скажи ты мне, вот зачем тебе эта звезда? Скажи! Что ты будешь с ней здесь в этой глухомани делать? А мне она нужна до зарезу. Я с ней знаешь как взлечу! После академии, в генеральском звании, и со Звездой Героя! Да я мир переверну!

Вилатов налил обоим коньяк и теперь уже сам, не дожидаясь, залпом выпил. На душе стало как-то уж совсем неуютно, хотя и не было чувства сильной обиды и несправедливости. Почти четверть века в системе приучили его ко всякому.

- Ты не молчи, скажи, что думаешь. И поверь, я в долгу не останусь, ты же знаешь.

Чего-чего, а непорядочности или мелочности за Мельвинским не наблюдалось.

- Коля, давай решим так: мне звезду, а полагающуюся к ней денежную премию тебе, а к ней ещё и мою очередь на «Жигули», новая модель, получать в декабре. И медаль «За доблестный труд». Повышение в звании - само собой. Как тебе такое предложение?

Вилатов по-прежнему молчал, не зная, что сказать. Звезду ему уже, по всей видимости, всё равно не видать, а тут ещё столько заманчивых перспектив.

От услышанного веяло и разочарованием, и одновременно какими-то туманными надеждами на перемены.

Бутылка коньяка закончилась, и Мельвинский достал из шкафа ещё одну - значит, разговор был всё же не закончен, значит боялся полковник отказа. Опасался ненужных ему суетности и хлопотных выяснений отношений. Да и нарушение предписания штаба округа в зачёт ему не пойдёт.

И хотя он действительно относился к Вилатову по-дружески и с уважением, но Звезда эта ему была очень нужна. Ох, как нужна. И ради неё Мельвинский был готов на многое.

- А знаешь, Николай, у меня ведь близкий родственник, двоюродный брат отца, - командующий Сибирским военным округом, и ему как раз нужен зам. по строительству в Красноярске в полковничьем звании. Пойдёшь? Я помогу. Ну что тебе сидеть в этой дыре столько лет?! А там Красноярск - большой город, хорошая квартира,

новая машина, возможности, привилегии. Думай о себе, о детях, о жене, тебе ж скоро на пенсию по выслуге, а в Красноярске ведь совсем другие возможности!

Мельвинский замолчал, бутылка коньяка оставалась нераспечатанной на столе... Офицеры молчали, размышляя каждый о своём.

«А ведь он прав», - подумал Вилатов, - надо заботиться в первую очередь о семье. Сколько им ещё в этой тайге куковать? А там... Дочь вон мечтает учиться в консерватории, а здесь... какая ей консерватория? Да и парни подрастают, им хорошее образование получать надо. А у нас тут вон только до райцентра добираться полдня. А до Хабаровска - так вообще трое суток. Может, действительно, согласиться? Ведь в Красноярске и вправду возможности иные. Да и должность, и звание, и зарплата. К тому же, и времена пошли такие, что каждый сам за себя, не до идейности. А своё я уже отпахал, долг Родине отдал сполна, под завязку».

- Игорь, я согласен, - сказал наконец-то подполковник. Оба облегчённо вздохнули и улыбнулись, открывая вторую бутылку коньяка.

- Николай, значит, точно договорились? Даёшь слово, не подведёшь? - словно всё ещё не доверяя, переспросил полковник, протягивая руку для пожатия.

- Не подведу. Даю слово! - Вилатов крепко пожал руку командира, и лицо его вдруг стало серьёзным. - Слово офицера!

\*\*\*\*\*

#### Эпилог

(конец 90-х, справка)

Мельвинский, Игорь Сергеевич, - вышел в отставку в звании генерал-полковника генерального штаба Министерства обороны Российской Федерации. В настоящий момент - член президиума правления концерна «Роснефть», член правления банка ВТБ, председатель наблюдательного совета спортклуба ЦСКА, миллиардер, девятое место в списке *Форбс* богатейших людей России. Имеет одного ребёнка во втором браке.

Вилатов, Николай Александрович, - вышел в отставку в звании полковника с должности заместителя командующего Сибирским военным округом по строительству. После отставки вернулся в свой родной город на Волге. Работал главным инженером строительного треста. Организовал собственную дорожно-строительную фирму. Перенёс два покушения, десятков разорительных комиссий и проверок. В возрасте пятидесяти с небольшим лет, после второго инфаркта, скончался, находясь на рыбалке. Старые «Жигули» были через месяц конфискованы по иску банка ВТБ в счёт невыплаченного кредита. Дочь окончила консерваторию. Оба сына получили гражданское высшее инженерно-строительное образование.

*Ваш доктор Шаявич*